

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Культура -

14 декабря 1991 г.

10

Алла
Ларионова:

«И ВСЕ-ТАКИ Я ВЕРЮ»

— Алла Дмитриевна, — кричу я в трубку телефона, — вас беспокоит корреспондент газеты «Культура», хотелось бы с вами встретиться.
— А по какому поводу?
— Поговорим о кино, о вашей творческой жизни...
— Все-таки вспомнили...
Ну что ж, приходите в Театр киноактера...

— Извините, что не пригласила вас к себе домой, — сказала мне при встрече Алла Дмитриевна Ларионова, — у меня мама больна, да ведь еще и дочь со мной живет...

— Наш скромный зритель почему-то всегда уверен, что артисты имеют одну большую квартиру, вторую да еще загородный особняк...

— Ах, если бы это было так на самом деле! Но что интересно: если у актера действительно есть хорошая квартира и дача, у нас это возводится чуть ли не в ранг преступления. «С какой стати он, артист, может жить лучше меня, продавца магазина?»

— Увы, такие высказывания не редкость.

— Помню, была я как-то в Париже с нашей актерской делегацией, вместе с Сергеем Бондарчуком, Людмилой Целиковской, Элиной Быстрицкой, Владленом Давыдовым, Николаем Черкасовым... Так вот, там я познакомилась с популярной в то время французской актрисой Дани Робен. Мы с ней ровесницы и в кинематографической жизни были на равных. И вот она пригласила нас всех на свою загородную виллу и вывела нас своих лошадей — шикарных, а я глазам своим не поверила. Они с мужем рано утром на них куда-то съездили, постреляли где-то куропаток, тут же их зажарили и нас угощали. Для меня это был сон, сказка, мы в то время с Николаем Николаевичем жили в коммуналке, где-то в полуподвале.

— А где вы познакомились с Рыбниковым?

— Мы вместе учились во ВГИКе на курсе у Герасимова и Макаровой, вместе в кино снимались. Был такой фильм — «Две жизни» режиссера Лукова, где Николай играл просто-

го солдата, а я — девушку из дворянской семьи.

— Это что-то о революции, да! В этом фильме еще Вячеслав Тихонов вашего жениха играл...

— Да, да... фильм повторяли не так давно по Центральному телевидению. Я обратила внимание, что старые фильмы с удовольствием смотрят не только люди моего поколения, но и молодежь — в них много чистоты и тепла. Мне больно слышать, как топчут в грязи поколение наших отцов, а ведь они — наша история. Мои родители познакомились в отряде у Котовского. Папа был настоящий коммунист и честнейший человек. И таких миллионы. Поведение сегодняшних демократов не вызывает уважения. Тогда, в семнадцатом году, люди были безграмотные, от незнания крушившие всех и вся на своем пути, но сегодня-то все грамотные и должны понимать, но делают то же самое...

— Алла Дмитриевна, зрители любят вас и помнят ваших героинь, таких, как Любава («Садко»), Анна («Анна на шее»), Оливия («Двенадцатая ночь»), Вера («Главный проспект»), Оксана («Полесская легенда») — всех не перечислить, а какую вы сами любите больше всех?

— Сложно сказать. Есть роль, которая принесла популярность, есть такая, что долго не давалась, а потом все же получилась, разве они не любимые? А есть такая, которая далась с легкостью, — и эту я тоже люблю.

— Ваша звезда зажглась в пятидесятые годы. А потом что-то изменилось. Как вы жили все это время?

— Тогда я ежедневно задавала себе один и тот же вопрос: как сложится моя судьба? Потому что мы, актеры кино, народ очень ущемленный, закомплексованный, порою судьбы складываются не так, как хотелось бы: бывают простои, и проходят в бездействии лучшие годы. Да что об этом говорить снова, сколько тому уже известных примеров: Нонна Мордюкова, Людмила Гурченко, Людмила Хитяева, Наталья Фатеева, Татьяна Самойлова...

Они могли стать «звездами» мирового кино! Но мы в свое время не имели права сниматься у западных режиссеров, в результате и наш кинематограф много потерял, и, наверное, западный тоже. Мы должны были сохранять верность социалистическому Отечеству и с гордостью отстаивать свою гражданскую позицию.

Но какая может быть у артиста гражданская позиция? Я понимаю, когда Марлен Дитрих уехала из фашистской Германии и осталась в Голливуде, — вот это было серьезно. И только такое проявление гражданской позиции можно признать. Мы же все время молчали и держали фигу в кармане — это и было нашей гражданской позицией!

Конечно, было время, когда я много работала. В пятидесятые годы я снималась в трех-четыре картины сразу — по прежним нашим кинематографическим меркам, это было очень солидно, если учесть, что в стране в год выходило пять-шесть картин.

— Ваш первый фильм — «Садко»!

— Да, это очень красивый фильм, он мне дорог еще и тем, что я снималась там вместе с Сергеем Дмитриевичем Стояровым — это был красавец мужчина. Вообще мне везло на партнеров.

— Рядом с вами был и Вертинский...

— Работа с ним была огромным счастьем! Мы вместе снимались в картине «Анна на шее» и были в очень дружеских отношениях. Он опекал меня, учил элементарному этикету: как держать ложку, вилку... Это человек из прошлого, человек-легенда, перед которым преклонялись все без исключения. Вот его звезда не угаснет никогда. В то время он только что вернулся из эмиграции и буквально со слезами на глазах рассказывал, как волновался перед приездом в Советский Союз: как его примут здесь, помнят ли его? А вернувшись, растерялся от того, что его не только помнят, но и боготворят.

Сейчас я готовлю концертный номер, посвященный свет-

лой памяти Александра Николаевича Вертинского. Он и основан на моих собственных воспоминаниях о нем.

— Я слышала, что вы часто ездите с концертами по всей стране!

— Да, я люблю встречаться со зрителями, особенно с удовольствием езжу в глушь. Читаю Гумилева...

— А о чем вас обычно спрашивают зрители?

— О чем только не спрашивают! О чем только не пишут! Однажды получаю письмо, а на конверте адрес: «Мавзолей Ленина, народной артистке Алле Ларионовой...».

— Алла Дмитриевна, может быть, я окажусь бестактной, но все же скажите несколько слов о Николае Николаевиче, как ему жилось в последнее время?

— Ничего... Я даже рада, что вы заговорили о нем.

В последнее время он часто болел и в основном занимался своим здоровьем. Самое страшное, что прошел уже год, а многие до сих пор не знают о его кончине. Его шестидесятилетие выпало на сорок дней, и представьте себе мое состояние, когда звонили со всех концов страны, чтобы поздравить его с юбилеем.

— К сожалению, наша пресса практически не писала о его кончине, что не делает ей чести, а ведь Николай Рыбников был безумно популярен в пятидесятые и шестидесятые годы... Все это очень печально...

— Действительно, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Например, о вашей новой работе, вы ведь снялись в двухсерийном художественном фильме...

— Он называется «Пирамиды» и снят ленинградским режиссером Анатолием Дубинкиным по мотивам нашумевшего узбекского «хлопкового дела». Его, как вы помните, вели следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР Тельман Гдлян и Николай Иванов.

По жанру это политический детектив, а его герои — вышедший эшелон политической власти в «17-й республике» — так условно определили место действия авторы киноленты. Я не буду рассказывать, кого я сыграла в этой картине, пусть зрители сами посмотрят...

— А новые предложения есть?

— Недавно прозвенел звонок, и мне предложили роль в одной коммерческой картине. Не зная сценария, я не дала согласия. Но если понравится, буду работать. Работа, съемки — это наша жизнь, кислород, который, к сожалению, нам порой перекрывают. Но, как бы то ни было, с уверенностью могу сказать, что в искусстве свою жизнь прожила честно. А это главное...

Лидия ГАЛУЩЕНКО.

● Кадр из фильма «Анна на шее».